

ЛИЧНОСТЬ КАК ГРУППА – ГРУППА КАК ЛИЧНОСТЬ

В.Н.ЦАПКИН

*Я – семья.
Во мне как в спектре живут семь «я»...*
А. Вознесенский

Личность – это целый Конгресс, собравший вместе ораторов и закулисных магнатов, детей, демагогов, коммунистов, изоляционистов, воинственных мракобесов, знатных персон и мошенников, мафиози и лоббистов – здесь соседствуют Цезарь и Христос, Макьявелли и Иуда, тори и прометеевские революционеры».

Генри Маррей

I

В работе «Путь человека» Мартин Бубер рассказывает следующую притчу, которую он услышал от старого раби Ханоха.

Жил некогда человек, который был очень глуп. Когда он вставал по утрам, ему было так трудно найти свою одежду, что по вечерам – при мысли о волнениях, предстоящих ему при пробуждении – он колебался, стоит ли ему ложиться спать. Однажды вечером он, наконец, сделал над собой усилие, взял бумагу и карандаш и, раздеваясь, записал все в точности, куда он что положил. На следующее утро, очень довольный собой, он взял свою записку в руки и прочел: «Шапка» – вот она, и надел ее на голову; «Брюки» – вот они лежат, и он влез в них; и т.д., пока полностью не оделся. «Все это прекрасно, но где же теперь я сам? – спросил он в сильнейшем испуге. – Где же, в конце концов, я?» Он искал и искал, но поиски были тщетны; он никак не мог найти самого себя. «Так обстоит дело и с нами», – заключил свой рассказ раби (Бубер, 1976).

«Конечно, это смешная история, но ко мне она не имеет никакого отношения», – может сказать «умный» человек. Так, вероятно, ответил бы Андрей Бабичев из романа Ю.Олеши «Зависть» – тот славный менеджер 20-х, который «поет по утрам в клозете». Занимаясь с утра гимнастикой,

он мурлыкал бы себе под нос: «Только глупый человек или какой-нибудь интеллигент типа Кавалерова, замученный рефлексией и несварением желудка, может потерять себя. Я никогда не заблужусь в себе, если, конечно, на голову не упадет что-нибудь тяжелое. Я – вот он». Последние слова будут сопровождаться звонким ударом в мощную грудную клетку. Это очень цельный человек, отдавший всего себя без остатка Делу – «построению всеобщего счастья на земле». Но даже такой «земной» экстраверт (человек с гилотропическим сознанием, как сказал бы С.Гроф – от греческого «гилос» – материя) все же может запутаться в себе, если, например, жизнь или «вредный» психолог заставит его задуматься над вопросом: «Кто я?»

«Ну, я – гражданин, я – начальник отдела, я – житель Москвы, я – отец, я – муж, я – сын, я – друг, я – враг, я – нежный, я – жесткий, я – сильный, я – слабый, я... Так кто же я – отец или сын, какой же я – добрый или злой? Где же, в конце концов, я, я настоящий?»¹

Как же найти свое подлинное «я» за множеством фасадов, социальных и межличностных ролей, многообразием действий и переживаний? Возможно ли вообще, исходя из унитарного, автономного, гомогенного картезианского субъекта «когито», объяснить такие феномены, как «слабая воля» («Я хочу добиться этого, но что-то во мне сопротивляется»), самообман («Кто здесь кого обманывает?»), самообвинение, самоотчуждение и т.п.? Многие философы (см., например, *Elster I.*, 1985), психологи и психотерапевты сегодня решительно заключают, что представление о монолитной, «монологической» личности является рудиментом эпохи рационализма, продуктом картезианско-ньютоновской картины мира. Пожалуй, ни в какой другой области полифоническая модель личности не показывает с такой силой свою эвристическую мощь, как в практике психотерапии и психологической помощи.

Как ни странно, представление о личности как некой полифонической группе имеет давние традиции. В известном диалоге Платона «Пир» Аристофан, рассказывая свой «этиологический миф» об андрогинах, интерпретирующий любовь, Эроса, как стремление человека к изначальной целостности, упоминает об угрозе Зевса о том, что если люди не усмирятся в своем буйстве, то он рассечет их на еще более мелкие части, чем половины андрогинов (*Платон*, 1970, с.116-120). По-видимому, если следовать логике рассказа Аристофана, то люди не умили своей гордости и были наказаны расколом внутри себя. Однако прежде, чем попасть в поле зрения психологов, реальность этого события получила признание в художественной литературе и работах философов-иррационалистов. Тема человека с «расколотым», многоликим «я» наиболее ярко выразилась в литературе немецких романтиков. Так, например, Э.-Т.-А.Гофман писал в 1809г. в дневнике: «Я представляю

¹ Естественно, мы имеем в виду тест «Кто я?», предложенный М.Куном.

себе свое «я» через размножающее стекло – все фигуры, которые движутся вокруг меня, – это я, и я сержусь на их поведение». Еще более четкое психологическое оформление эта идея получила у Новалиса: «Каждая личность способна, будучи разделенной на несколько личностей, тем не менее оставаться одной. Настоящий анализ личности, как таковой, создает множество личностей» (см. *Гессе*, 1977, с.411). В самом начале века в нашумевшей книге Отто Вейнингера «Пол и характер» автором излагалась оригинальная теория гениальности: «...Гениальный человек сложнее, многостороннее, богаче, чем человек среднего уровня, и каждый человек тем гениальнее, чем больше он соединяет в себе людей и – необходимо это прибавить – чем интенсивнее выражены в нем эти люди. (...) Гете будто бы говорил о себе, что нет такого порока и преступления, к которому он не чувствовал бы в себе некоторого предрасположения и которых он не понимал бы в совершенстве в какой-нибудь определенный момент своей жизни» (*Вейнингер*, 1908, с.124-125). Пожалуй, эти слова О.Вейнингера ни к кому в мировой литературе не относимы в большей степени, чем к Ф.М.Достоевскому, сумевшему в своих полифонических романах трансформировать как самые «темные закоулки», так и самые светлые стороны своей личности в потрясающие по своей яркости и живости художественные персонажи, демонстрируя удивительную мощь человеческой способности к самопознанию и самораскрытию.

Как показывает М.М.Бахтин в своем знаменитом исследовании поэтики Достоевского, все его произведения систематически пронизаны принципом полифонизма: в позиции автора по отношению к героям (диалогическая обращенность автора к герою, утверждающая автономность, внутреннюю свободу, незавершенность и нерешенность героя: «Герой для автора не «он» и не «я», а полноценное «ты», то есть другое чужое полноправное «я» («ты еси»)) (*Бахтин*, 1979, с.73). Это проявляется и в способе выражения идей (каждое мнение, идея становится у него живым существом, становится «голосом» – идеей, воплощенной в цельной личности: «Достоевский, говоря парадоксально, мыслил не мыслями, а точками зрения, сознаниями, голосами. Каждую мысль он воспринял, сформулировал так, чтобы в ней выразился и зазвучал весь человек... Две мысли у Достоевского – уже два человека») (*там же*, с.107). Этот принцип нашел отражение в жанровых и в сюжетно-композиционных особенностях: в «диалогической» прозе, восходящей корнями к «сократическому диалогу», которая отказывается от обладания готовой истиной, утверждая, что истина не рождается и не находится в голове отдельного человека, она рождается между людьми, совместно ищущими истину, в процессе их диалогического общения (*Бахтин*, 1979, с.126.); в «карнавализации» – карнавальной амбивалентности образов, например, «идиота», князя Мышкина; пародийных двойников – «почти каждый из ведущих героев имеет по несколько двойников, по-разному его пародирующих: для Раскольникова – Свидригайлов, Лужин, Лебезятников, для Ставрогина – Петр Верховенский, Шатов, Кириллов,

для Ивана Карамазова – Смердяков, черт, Ракитин» (*там же*, с.147); в способе изображения внутреннего мира героев («контрапунктическое сочетание разнонаправленных голосов в пределах одного сознания», пересечение двух сознаний в одном сознании: «Самосознание героя у Достоевского сплошь диалогизировано: в каждом своем моменте оно повернуто вовне, напряженно обращается к себе, к другому, к третьему... Изобразить внутреннего человека, как его понимал Достоевский, можно, лишь изображая общение его с другим. Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается «человек в человеке», как для других, так и для себя самого» (*там же*, с.259). В такой предельно последовательной реализации принципов «диалогизма» и «полифонизма» в построении Достоевским своего уникального художественного мира необходимо отметить не только литературное, но и психологическое новаторство. Так, например, Достоевского можно по праву назвать предтечей психодрамы и гештальттерапии. Художественные приемы, используемые в его произведениях, поразительным образом строятся на тех же принципах, что и эти психотерапевтические методы. «Весь доступный ему смысловой материал и материал действительности, – пишет М.М.Бахтин, – он стремится организовать в одном времени в форме драматического сопоставления, развернуть экстенсивно. (...) Это упорнейшее стремление его видеть все как сосуществующее, воспринимать и показывать все рядом и одновременно, как бы в пространстве, а не во времени, приводит его к тому, что даже внутренние противоречия и внутренние этапы развития одного человека он драматизирует в пространстве, заставляя героев беседовать со своим двойником, с чертом, со своим alter ego, со своей карикатурой (Иван и черт, Иван и Смердяков, Раскольников и Свидригайлов и т.п.). Обычное у Достоевского явление парных героев объясняется этой же его особенностью. Можно прямо сказать, что из каждого противоречия внутри одного человека Достоевский стремится сделать двух людей, чтобы драматизировать это противоречие и развернуть его экстенсивно. (...) Возможность одновременного сосуществования, возможность быть рядом или друг против друга является для Достоевского как бы критерием отбора существенного от несущественного. Только то, что может быть осмысленно дано одновременно, что может быть осмысленно связано между собой в одном времени, – только то существенно и входит в мир Достоевского... Поэтому и герои его ничего не вспоминают, у них нет биографии в смысле прошлого и вполне пережитого. Они помнят из своего прошлого только то, что для них не перестало быть настоящим и переживается ими как настоящее: неискупленный грех, преступление, непрощенная обида. Только такие факты биографии героев вводит Достоевский в рамки своих романов, ибо они согласны с его принципом одновременности. Поэтому в романе Достоевского нет причинности, нет генезиса, нет объяснений из прошлого, из влияний среды, воспитания и пр. Каждый поступок героя весь в настоящем... в мышлении Достоевского

нет генетических и казуальных категорий» (Бахтин, 1979, с.33-35). Кажется весьма вероятным, что если бы Дж.Морено и Ф.Перлз имели бы возможность познакомиться с бахтинским анализом поэтики Достоевского, то они признали бы его в качестве своего великого предшественника. Можно представить, с каким бы удовольствием Ф.Перлз (со свойственной ему скромностью) заменил бы имя Достоевского на свое собственное в следующем тексте: «Там, где видели одну мысль, он умел найти и нащупать две мысли, раздвоение; там, где видели одно качество, он вскрывал в нем наличность и другого, противоположного качества. Все, что казалось простым, в его мире стало сложным и многосоставным, в каждом голосе он умел слышать два спорящих голоса, в каждом выражении – надлом и готовность тотчас же перейти в другое, противоположное выражение; в каждом жесте он улавливал уверенность и неуверенность одновременно; он воспринимал глубокую двусмысленность и многосмысленность каждого явления... Видение Достоевского было замкнуто в этом мгновении раскрывшегося многообразия и оставалось в нем, организуя и оформляя это многообразие в разрезе данного мгновения» (там же, с.36). Остается только удивляться тому, насколько точно эта характеристика поэтики Достоевского выражает суть гештальттерапевтического подхода.

II

«Противопоставление индивидуальной и социальной массовой психологии, которое на первый взгляд может показаться столь значительным, многое из своей остроты при ближайшем рассмотрении теряет. Правда, психология личности исследует отдельного человека... но все же редко, только при определенных исключительных обстоятельствах, в состоянии она не принимать во внимание отношений этого отдельного человека к другим индивидам. В психической жизни человека всегда присутствует «другой». Он, как правило, является образцом, объектом, помощником или противником, и поэтому психология личности с самого начала является одновременно также и психологией социальной в этом расширенном, но вполне обоснованном смысле» (Фрейд, 1969, с.79). Автором этих слов является отнюдь не Дж.Мид и не В.Н.Мясищев, а З.Фрейд, которому традиционно адресуется упрек в рассмотрении личности как замкнутой системы, изолированной от социальных связей с другими личностями. Работы Фрейда говорят о том, что он и не пытался отвернуться от социальной природы человека. Однако межчеловеческие отношения были предметом его рассмотрения не столько в их проявлении в реальном интерперсональном взаимодействии, сколько в интрапсихическом плане как интериоризованные «объектные отношения».

После Пьера Жана представление о принципиальном единстве структурной организации внешней и внутренней психической деятельности становится в психологии одной из ее традиционных тем.

Так, например, в психологической теории деятельности (Л.С.Выготский, А.Р.Лурия, А.Н.Леонтьев) эта идея получает статус одного из основополагающих методологических принципов. Частным случаем этого изоморфизма являются отношения, связывающие интер- и интраперсональную коммуникацию. Пожалуй, наиболее отчетливое выражение эта идея получила в исследованиях Л.С.Выготского, Дж.Мида, представителей психоаналитической школы «объектных отношений» (школы М.Клайн).

Последовательное развитие идеи изоморфизма интер- и интраперсональной коммуникации приводит к представлению о том, что личность существует не только в системе интерперсональных отношений, но и в системе того, что логично назвать системой интраперсональных отношений. Эту систему интраперсональных отношений можно представить как интрапсихический продукт «персонализации» (А.В.Петровский) интерперсональных взаимодействий индивида со значимыми другими, как систему отношений субъекта с интериоризированными образами этих значимых других – «интроектов» – говоря языком психоанализа. Каждый из таких «интроектов» становится носителем своеобразного «голоса» во внутриспсихической коммуникации. Так, можно сказать, «голоса-интроекты» образуют некую относительно устойчивую интраперсональную группу, каждый из участников которой апеллирует, спорит, в чем-то убеждает, уговаривает. «Внутренний мир и мышление каждого человека, – писал М.Бахтин (*В.Волошинов*, с.102), – имеет свою стабилизированную социальную аудиторию, в атмосфере которой строятся его внутренние доводы, внутренние мотивы, оценки и пр. Развивая идеи М.Бахтина о диалоге как способе бытия личности, Е.А.Родионова (1981, с.184) говорит о существовании «юридически» организованной внутренней аудитории, где могут обозначаться позиции «судьи», перед которым «я» держу ответ, если «я» воспринимает себя как кем-то, возможно, «обвиняемый», позиции «следователя», «защитника» и т.п. «Основатель гештальттерапии Ф.Перлз называет такое интрапсихическое взаимодействие «репетированием» на «внутренней» сцене, считая его характерной чертой невротиков, которые предпочитают прятаться за кулисами «внутренней сцены», избегая драматизма подлинной встречи с реальными другими «здесь и сейчас» на «внешней сцене» реальной жизни. Однако эти внутренние диалоги чаще всего либо очень слабо, либо совсем не осознаются субъектом, продолжая тем не менее оказывать влияние как на внутреннюю, так и на внешнюю его деятельность. Более того, такие не доведенные до конца диалоги могут договариваться уже с реальными людьми, внося совершенно иррациональное измерение в актуальное межличностное общение. Наиболее ярко это выражается в таких феноменах, обнаруженных в психоаналитической практике, как «перенесение» и «проективная идентификация» (У.Бион). Таким образом, если какой-то человек разговаривает со мной, далеко не факт, что говорит он действительно со

мною². Например, в такой типичной бытовой «травмирующей ситуации», когда продавщица начинает вдруг обрушивать поток оскорблений на покупателя, обратившегося к ней с какой-то просьбой, она обращается в действительности не к нему лично, а к некому обобщенному образу «врага-покупателя» или к своему «бестолковому» мужу, от которого «никакого проку, а одна беда», или, может быть, к самой себе, которая поставила ее на «это дурацкое место». Очевидно, что одной из важнейших предпосылок нормального межличностного общения, полноценной жизни человека является его способность дифференцировать свой собственный голос в такой полифонии внутренних голосов – беззвучных, но неумолимо настойчивых и часто принимаемых за свой собственный. Так, А.Маслоу считал одной из важнейших характеристик самоактуализирующихся личностей способность «слышать голос импульса», поскольку большинство людей обычно прислушиваются не к себе, а к голосу матери, отца, голосу государства, вышестоящих лиц, власти, традиции и т.д. (Маслоу, 1982, с.112).

Представление о гетерогенной, полифонической структуре личности широко представлено в психологических теориях, лежащих в основе таких методов психотерапии и психологической помощи, как психоанализ («я», «оно», «сверх-я»), аналитическая психология («я», эго, персона, тень, анима), транзакционный анализ («Ребенок», «Взрослый», «Родитель»), гештальттерапия («собака сверху», «собака снизу» Ф.Перлза) психосинтез (субличности), «Диалог голосов» (Хэл Стоун и Сидра Уинкельман – голоса субличности) и т.д. Такого рода «субличности» в личности являются не только «говорящими» интроектами, но и продуктами диссоциированных переживаний, отчуждаемых от сознания мотивационно-смысловых образований, которые не исчезают со сцены психической жизни, а наоборот, будучи изгнанными из сознания, начинают чинить бессознательный произвол, завоевав не только автономию от «центра», но и облачаясь даже в своего рода плоть – систематические комплексы физиологических реакций, определенные конфигурации мышечных зажимов, своеобразные жесты, позы, выражения лица и т.п. Отсюда наиболее общая задача психотерапевтической помощи – преодолеть эту фрагментированность посредством интеграции «отщепленных» «кусков», принятия их как собственных аспектов, установления уже сознательной коммуникации с и «между» этими частями личности. Таким образом, получается, что индивидуальная психотерапия – работа с одним человеком – является своего рода групповой работой. С другой стороны, в групповой психотерапии все участники группы являются потенциальными «объектами» для множественных перенесений и «коллективных

² Французский психоаналитик Жак Лакан основывает на этом одно из своих афористических и парадоксальных определений сути психоаналитического процесса: «Субъект начинает анализ того, что он говорит о себе, но обращается при этом не к вам, или он обращается к вам, но говорит не о себе. Если он способен говорить о себе и обращаться при этом к вам, значит, анализ завершен». (Lacan J. Ecrits. Paris, 1966, p.261)

идентификаций» со стороны каждого отдельного ее члена. Группа в известном смысле (в особенности на первых этапах своего развития) является площадкой для экстернизации драмы интраперсональных отношений. Из этого следует, что изменения в интерперсональных отношениях с участниками группы способны вызвать изменения в интраперсональных отношениях личности. Группа способна выступать в качестве некой символической модели, метафоры: личности, семьи, производственного коллектива, микро- и макросоциума, культуры, космоса, поскольку все они могут рассматриваться как «симфонические личности» (Л.П.Карсавин).

Такая метафорическая взаимопереходимость планов интер- и интраперсональных отношений получила воплощение в следующих психотерапевтических методах: психодраме, предоставляющей возможность участникам группы сыграть роли любых аспектов личности; «встрече частей» В.Сатир, где так же каждый участник группы играет какую-то часть, некоторое свойство личности, показывая ей, что каждая из них имеет позитивный потенциал; в технике диалога с пустым стулом в гештальттерапии, в которой клиент сам исполняет все «роли», говоря от первого лица, в настоящем времени и т.п.; технике «шестишагового переструктурирования» в НЛП, в которой проделывается та же работа (в особенности близок метод В.Сатир), но исключительно в интрапсихическом, внутреннем плане.

Трудно не заметить, что все эти методы, несмотря на различие по форме и по своей технической стороне, по существу направлены на разрешение одной и той же внутренней психотерапевтической задачи. Что же касается формы, то можно представить некий континуум, в котором психодраматические приемы расположились бы на крайнем полюсе экстернализации, т.е. перевода интраперсональных отношений во внешний план, а техники типа шестишагового рефрейминга и управляемого воображения – на противоположном полюсе: внутреннего, интрапсихического плана. Тогда, например, гештальттерапевтические приемы оказались бы в середине этого континуума.

Обратная метафора – группа как личность – получила выражение в тех методах групповой работы, которые опираются на теорию групповой динамики. В методах группового психоанализа так называемой Тавистокской школы (У.Бион, Х.Эзриел, З.Фукс и др.), интендированной динамической групповой психотерапии (берлинская школа К.Хека), которые фактически исключают индивидуальный фокус, представление о группе как личности выходит за рамки метафоры.

Например, З.Фукс рассматривал ненаправленную, свободно текущую групповую дискуссию (*free-floating discussion*) как аналог метода «свободных ассоциаций» в индивидуальном психоанализе. Важнейший принцип своего подхода к группе как целому З.Фукс видел в том, что «каждое отдельное событие в группе, даже если оно вовлекает только одного или двух ее членов, обладает определенной конфигурацией,

которая затрагивает группу в целом. Такое событие есть часть «Гештальта», являясь его «фигурой», в то время как «фоном» служит вся остальная часть группы. Здесь наличествует такое же отношение, как у героя и хора в древнегреческих трагедиях» (Foulks S. & Anthony E., 1975, p.213). Он подчеркивал, что «группа обычно реагирует и говорит на одну общую тему, словно она является единым живым существом, выражая себя различными способами посредством различных голосов. Все высказывания являются вариациями этой единой темы, хотя участники группы могут и не осознавать этой темы и не понимать, о чем же они в действительности говорят» (Foulkes, 1957, p.213-214).

Таким образом, представление о личности как группе и группе как личности позволяет осуществлять транскрипцию методов индивидуальной работы в групповые и наоборот, что еще лишь в незначительной мере реализовалось в конкретных психотерапевтических техниках.

III

Карл Роджерс многократно высказывал свою убежденность в том, что со временем в психологии будут открыты такие же фундаментальные законы, как закон тяготения или законы термодинамики в естествознании. Однако в современной психологии пока еще трудно найти сколько-нибудь значительное количество психологических явлений, в объяснении которых обнаруживалось хотя бы относительное единодушие представителей различных психологических школ. Одним из немногих исключений в этом отношении, на наш взгляд, являются представления о закономерностях развития малых групп, о групповой динамике. Несмотря на всю пестроту взглядов, царящих и в этой области, здесь все же можно достаточно отчетливо проследить определенную инвариантность точек зрения в описании последовательно сменяющихся структур группового опыта, обозначаемых как этапы, фазы или стадии развития групповой динамики. Как ни странно, мы обнаружим здесь скорее различия в акцентах и «пунктуации», чем по существу вопроса.

Пожалуй, все известные теории групповой динамики (терапевтических и тренинговых групп) можно разделить на два больших класса. К одному широкому классу можно отнести так называемые рекуррентные теории группового развития (т.е. периодических циклов). Согласно теории Д.Уитакера и М.Либермана интерперсональные проблемы участников группы конденсируются в результате группового взаимодействия в некие модальные точки – «фокальные конфликты» и базисные групповые «темы», которые разрешаются в процессе работы психотерапевтической группы по спирали, каждый раз на новом более высоком уровне. Следует отметить, что сходная терапевтическая динамика характерна и для многих форм индивидуальной психотерапии, в особенности аналитически-ориентированной. К числу наиболее известных рекуррентных теорий группового развития относится модель ФИРО

У.Шутца (*Шутц У.*, 1984), согласно которой участники группы на протяжении всей ее работы периодически решают для себя три основные интерперсональные проблемы: включения, контроля и расположения. К другому широкому классу следует отнести теории, основывающиеся на генетическом, стадийном подходе, которые описывают развитие группы как процесс развертывания последовательно сменяющихся этапов. Так, согласно У.Биону (*Bion W.*, 1961), динамика развития группы как целостности определяется последовательной сменой так называемых «базисных предположений» – неосознаваемых диспозиций группы, прежде чем она достигнет уровня психологической зрелости: этапы зависимости, борьбы-бегства, формирование пар. Согласно И.Ялому (*Yalom*, 1975), терапевтические группы проходят последовательно три основных стадии: ориентации, конфликта и сплоченности. Представители Бостонской школы групповой динамики выделяют следующие пять стадии: преаффилиации, власти и контроля, интимности, дифференциации и завершения. По существу, те же стадии (с незначительными вариациями) описываются и многими другими исследователями групповой динамики.

Главные различия в описании этапов группового развития определяются выбором основных параметров группового процесса, поэтому, как нам кажется, большинство теорий последовательного стадийного развития групп не столько противоречат друг другу, сколько дополняют друг друга, описывая различные «измерения» сложного, многомерного группового процесса. Так, например, сосредоточиваясь на вопросе динамики распределения власти в терапевтических группах, Г.Гринбаум (см.: *Pinney E., Slipp S.*, 1982, p.62-63) проводит аналогию между фазами группового развития и формами политических государственных структур:

Фаза 1. Абсолютная монархия. Терапевт воспринимается членами группы как старший и деспотичный вождь; ему проективно приписывается всемогущество и власть. Участники предпочитают большие группы, где легче спрятаться от устрашающего внимания вождя.

Фаза 2. Конституционная монархия. Терапевт воспринимается как доброжелательный и любящий лидер. Сопротивление принимает здесь форму стремления остаться наедине с терапевтом, и между членами группы устанавливаются отношения взаимной конкуренции друг с другом. Некоторые пациенты изъявляют желание выйти из группы и перейти на индивидуальную психотерапию (с тем же терапевтом). Фаза 3. Республика. Терапевт воспринимается как авторитетный, но не вмешивающийся лидер. Члены группы становятся более сплоченными и более последовательно работают над своими проблемами. Конфликт с терапевтом и отношения соперничества ослабляются.

Продолжая эту метафору, трудно не отметить, что групповой опыт может служить самой настоящей «школой демократии», поскольку в нормально развивающейся группе каждый ее участник в той или иной

степени «прорабатывает» потребности в зависимости, преодолевает стремление избежать ответственности, лично переживая период первоначального предпочтения «безмятежности» «тоталитарного режима» единовластного лидера, начиная со временем проявлять все больше личной инициативы в группе и принимать на себя все большую ответственность за происходящее в ней. Кстати говоря, Рудольф Дрейкурс, один из наиболее авторитетных представителей адлеровской школы, отмечает тесную связь между развитием методов групповой работы и стремлением к политической свободе и социальной демократии. В частности, прослеживая историю развития групповой психотерапии и консультирования в различных странах, он обнаруживает, что пики и спады распространенности этих методов в той или иной стране, в тот или иной период времени прямо коррелируют с характером политической атмосферы. Чем более выражена тенденция к тоталитаризму, тем меньшую распространенность имеют групповые методы. Он подчеркивает, что групповая психотерапия и консультирование являются в сущности своей демократическими процедурами, которые чахнут в авторитарной атмосфере. «Групповые методы, – пишет он, – не только требуют демократической атмосферы, но и сами в свою очередь порождают ее» (*Dreikurs, 1951, p.197*).

В процессуально-ориентированной психологии Арнольда Минделла политическая метафора – «глубинная демократия» – является одним из основополагающих принципов как групповой, так и индивидуальной работы. Согласно А.Минделлу, эффективность психотерапевтической помощи во многом зависит от способности терапевта услышать голоса «меньшинств» и дать возможность им заявить о себе. В групповой работе это может касаться, например, помощи-поддержки наименее популярным или наиболее пассивным членам группы. В индивидуальной же терапии это выражается в работе с внутренними «меньшинствами» – отвергаемыми, диссоциируемыми аспектами личности пациента (*Mindell A., 1992*).

Ряд психоаналитических исследований по групповой динамике основывается на установлении структурно-генетического изоморфизма процессов развития личности и развития группы. Так, например, С.Саревей (*Saravay, 1978*) проводит параллель между фазами психосексуального развития личности и фазами группового развития, т.е. группа, согласно его мнению, последовательно проходит следующие стадии: орально-зависимую, орально-садистическую (агрессивную), анально-экспульсивную, анально-ретентивную, фаллическую и генитальную. Поскольку в психоанализе установлено систематическое соответствие между стадиями психосексуального развития и определенными формами психопатологических регрессий, то можно описать и следующую метафорическую динамику группового процесса: шизофренический ступор; депрессия-мания; паранойя; обсессивно-компульсивный невроз; истерия; психическое здоровье. На наш взгляд,

достаточно продуктивным может явиться приложение концептуальных схем развития личности к групповому процессу, например, таких авторов как Дж.Лоувинджер, М.Колберг, Э.Эриксон. Так, американскому психотерапевту Б.Левайну в своем руководстве по групповой психотерапии (Levine B., 1979) удалось удачно интегрировать наиболее традиционные модели групповой динамики с эпигенетической теорией развития личности Э.Эриксона. Как известно, Э.Эриксон (Erikson E., 1968) выделил восемь основных стадий развития личности, охватывающих всю жизнь человека. Каждая из них характеризуется определенным типом психологической дилеммы – кризиса, разрешение которого определяет возможность перехода к последующей стадии развития. Например, на первой стадии решается дилемма: доверие-недоверие к миру, на второй – автономия-зависимость и т.д. Как отмечает Б.Левайн, многие категории концепции Эриксона как нельзя лучше описывают динамику развития терапевтических групп. Особенно он подчеркивает значение групповой динамики проживания таких кризисов, как доверие-недоверие, автономия-стыд и сомнение, интимность-изоляция.

Таким образом, представление о структурном изоморфизме личности и группы, индивидуального и группового развития оказывается весьма продуктивным как для построения концептуальных схем, так и для психотерапевтической практики.

Если в методологическом отношении следует отдавать себе отчет в том, что представление о личности как группе и группе как личности есть только аналогия, которая работает, не искажая реальность, лишь до известного предела, то в практике индивидуальной и групповой работы это имплицитно богатейшие возможности для создания эффективных психотерапевтических метафор (например, проведение аналогии между интенсивными внутригрупповыми конфликтами и внутриличностным разладом ссорящихся и не слышащих друг друга людей, использование феномена групповой сплоченности, групповой интеграции как фактора, способного оказывать самостоятельный терапевтический эффект на индивидуальную психодинамику).

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М.М. *Проблемы поэтики Достоевского*. М.: Советская Россия, 1979.
- Бубер Мартин. *Веление духа. Избранные произведения*. Иерусалим: изд-во Р.Портной, 1976, с.106.
- Вейнингер Отто. *Пол и характер*. С.Пб.: Книгоиздательство «Посев», 1908, с.124-125.
- В.Н.Волошинов. *Марксизм и философия языка*. Ленинград: Прибой, с.102.
- Гессе Герман. *Избранное*. М., Худ. лит., 1977, с.411.
- Маслоу А. *Самоактуализация*. В кн.: *Психология личности: Тексты*. Москва: Изд-во МГУ, 1982, с.112.
- Платон. *Сочинения в трех томах*. Москва: Мысль, 1970, т.2, с.116-120.

- Родионова Е.А. Общение как условие развития личности. В кн.: Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981, с.184.
- Шуцц,У. Комплементарная функция лидера. В кн.: Современная зарубежная социальная психология (тексты). М.: Изд-во МГУ, 1984, с.162-168.
- Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я». В кн.: Фрейд З. Избранное. Т.1, London: Overseas Publ., 1969, с.79.
- Bion, W. *Experiences in Groups*. London: Tavistock Publ., 1961.
- Dreikurs R. *Group Psychotherapy from the Point of View of Adlerian Psychology*. // Ruitenbeek H. (Ed.) *Group Therapy Today*. – N.Y.: Atheron press, 1951.
- Elster I. (ed.). *The Multiple Self*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Erikson E. *Identity, Youth and Crisis*. New York: Norton, 1968.
- Foulkes S. & Anthony E. *Group Psychotherapy: Psychoanalytic Approach*. Harmondsworth: Penguin, 1957, p.213-214.
- Lacan J. *Ecrits*. Paris, 1966.
- Levine B. *Group Psychotherapy: Practice and Development*. London; Prentice-Hall, 1979.
- Mindell A. *The Leader as Martial Artist, An Introduction to Deep Democracy*. San Francisco: Harper, 1992.
- Pinney E., Slipp S. *Glossary of Group and Family Therapy*. – N.Y.: Brunner/Mazel, 1982.
- Yalom I. *The Theory and Practice of Group Psychotherapy*. – N.Y.: Basic Books, 1975.